

ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ

М. ШИФМАН

Наука и Жизнь №8, 9 и 10, 1994

Письма, отрывки из которых решил опубликовать журнал «Наука и жизнь», не предназначались для печати. Я писал их своим друзьям — московским и тем, которых в последние годы жизнь разметала по всей земле. Так уж получилось, что сам я оказался в Америке и с изумлением обнаружил, что страна эта совсем не похожа ни на черный стереотип, который внедряли в сознание средства массовой информации времен застоя, ни на радужные картинки, рисуемые сейчас. (Как-то ко мне попала статья В. Лукьяновой из «Московского комсомольца» под названием «В городе принца». Речь в ней идет об американской системе образования. Представление, которое могло бы возникнуть на основании этой статьи у неискушенного читателя, настолько далеко от действительности, что мне сгоряча даже захотелось написать автору письмо.) Мои наблюдения разрознены и, разумеется, носят весьма субъективный характер — Америка вообще чрезвычайно многолика. Хорошо известна притча о семи слепых мудрецах, которым разрешили потрогать слона, а потом попросили поделиться впечатлениями. Известно, чем это кончилось. Думаю, что мое положение ничуть не лучше. Правда, человек со стороны часто замечает то, по чему привыкший взгляд скользит, не останавливаясь.

Письма писались в разное время на протяжении трех лет. За эти годы взгляды мои на многие вещи сильно изменились, я многое понял такого, о чем даже не догадывался сначала. Тем не менее, я решил ничего не добавлять, только вычеркнуть сугубо личные пассажи и слегка пригладить резкие выражения.

Июнь 1991.

Прошло девять месяцев с тех пор, как мы всей семьей впервые вступили на американскую землю — робко подавленные, но полные радужных ожиданий. Надо сказать, что до этого я дважды провел здесь несколько недель: в 1989 и затем полтора года спустя, исколесив, если так можно выразиться, на самолете всю страну от восточного до западного побережья. Так что я считал себя большим знатоком и думал, что вполне подготовлен к погружению в то проблемы, с которыми сталкивается чужак в новом для себя обществе. Действительность оказалась гораздо сложнее, чем я ее себе представлял и чем она, по-видимому, представляется и сегодня из далекой Москвы. Не могу сказать, что эта реальная действительность хуже или лучше того абстрактного образа американской жизни, который характерен для умонастроения большинства моих друзей, оставшихся в Москве, — просто она совершенно другая.

Самое поразительное открытие, которое мы сделали в течение первых месяцев нашего пребывания, — это то, что американская цивилизация, основные ее установки и ценности очень далеки не только от российских, но и от западноевропейских. Дело в том, что эта цивилизация принципиально негородская. Мы привыкли к тому, что в Европе города являются центром общественной жизни и центром притяжения. Туда стремятся поэты, музыканты, художники — и вообще, наиболее активные творческие люди, особенно молодые. Памятники, музеи, театры, картинные галереи и просто красивые общественные здания — достояние и украшение городов. Общество вкладывает в городскую жизнь значительную часть сил и средств.

Особенно сильно это ощущение города как центра вселенной — Города по преимуществу. Единственного Города — у москвичей, людей, которые выросли в столице последней в мире империи. Ведь сюда на протяжении многих лет стекались лучшие умы страны, здесь сложилась

как отдельная каста большая группа людей — единомышленников или почти единомышленников, читающих одни и те же книги и журналы, посещающих одни и те же выставки и театральные постановки, спорящих на кухнях по вечерам об одних и тех же проблемах. Я имею в виду московскую интеллигенцию. Как я понимаю, такой уникальной интеллектуальной среды, сконцентрированной в одном месте и спаянной общими трудностями и радостями, сейчас нет нигде в мире. По плотности и напряженности культурной жизни этой «социальной прослойки», по специфической городской атмосфере, пожалуй, только Париж может сравниться с Москвой (по крайней мере, той, которую я знал), да и то не в полной мере.

А в Америке города умирают. Особенности американского общества, о которых я расскажу позже, таковы, что все сколько-нибудь преуспевающие семьи стремятся вырваться из городской черты и поселиться подальше, в благополучных пригородах, одним гигантским дачным поселком разлившихся по всей стране от Атлантического океана до Тихого. Структура почти всех американских городов (в классическом понимании этого слова) одинакова: в центре так называемый downtown с более-менее стандартными блестящими (в прямом смысле этого слова) небоскребами, теряющимися в облаках. В нижних этажах дорогие магазины, в верхних — конторы и фирмы. Даунтаун занимает несколько кварталов и абсолютно пустеет после 7—8 вечера.

Сразу же за ним начинается кольцо полутрущоб или, мягко говоря, домов, за которыми мало присматривали последние 50 лет. Обитают в этих домах довольно странные люди, как правило, принадлежащие к разным меньшинствам (упаси господь сказать — негры; здесь — это бранное слово, и за публичное его произнесение можно попасть под суд; надо говорить афро-американцы или, на худой конец, черные американцы). Там же живут и англосаксы из числа махнувших на себя и свое будущее рукой. Они не часто выходят за пределы своего района, и их тоже никто не трогает — ни редкие прохожие, ни городские власти.

Как правило, рядом с даунтауном есть один или несколько кварталов весьма приличных многоэтажек, таких, как у нас на Ленинском проспекте. Эти дома субсидируются муниципалитетом, а живут там малообеспеченные пенсионеры (например, иммигранты из России, кому за 65), безработные и работающие неполный рабочий день — те, что не опустились и получают пособие — welfare — и другие льготы. Квартирная плата очень низкая, так как большую часть доплачивает муниципалитет.

Обычно здесь же несколько многоэтажек, где можно встретить и весьма обеспеченных людей, в основном молодых или, наоборот, пожилых одиночек (платящих, конечно, из своего кармана), которых привлекает беззаботная жизнь в таких домах, где есть уборщицы, прачечная внизу, комната для физических упражнений, зал для банкетов, и почти всегда бассейн. Один-два музея, два-три маленьких театра и концертных зала — на этом город, в нашем понимании этого слова, кончается. Дальше только дороги (их здесь называют хайвэй, потому что часто они идут поверху, на эстакадах), поля, луга и рощи с яркими вкраплениями: там супермаркет, где-то в перелеске спрятался поселок типа наших Снегирей или Кратово, только пошикарней, следующий поселок у озера, третий — на ручейке, и так до горизонта, насколько хватает глаз. Кое-где стеклянный куб или пирамида с нескончаемой автостоянкой вокруг (это завод или фирма), заправочная станция, ресторан, центр обслуживания; подалее начинаются фермы, но они настолько индустриализованы, что не сразу и поймешь, что это ферма, а фермерские дома мало отличаются от тех, в которых живут, скажем, инженеры, продавцы или городские чиновники.

Жизнь, подстроенная под человека в автомобиле. Кто же здесь ходит пешком... Ведь и транспорта-то общественного почти не существует. Живя в Москве, трудно, я думаю, представить, насколько тоскует душа коренного москвича вдали от имперской столицы, с ее узкими улочками, пешеходами, подземными переходами и мраморным метро. Почему-то в сознании всплывают какие-то приятные, давно забытые эпизоды и мелкие детали: как в высотном доме у кинотеатра

«Иллюзион» продавались конфеты «А ну-ка отними»; как ходили в консерваторию пешком от проспекта Маркса (теперь, наверное. Охотный ряд); еженедельные набеги на букинистические в Столешниковом и на Арбате; как собирались за одним столом — большая московская семья — дяди, тети, двоюродные братья и сестры, три поколения — помянуть бабушку и дедушку; как ездили на электричке в Снегири и Икшу, а то и просто в лес, подышать весенним воздухом (Юля вспомнила долину Сказок); как возили на саночках сначала Юлю, а потом Аню в парк Сокольники на фигурное катание и в дом детского творчества; как позднее водили за ручку в музыкальную школу.

Все плохое забывается и пропадает. Уходят вдаль все издевательства и унижения, с которыми встречался ежедневно, если не ежечасно, и всюду — в жэке, на почте, в магазине, на работе. Нет уже той ярости при воспоминании об обидах и о бессилии изменить что-либо в тупом ходе событий вокруг, в тупых российских чиновниках, для которых все мы — лишь пыль под ногами. Туманным пятном маячат где-то в памяти парткомщики и режимщики и свой собственный рабский страх, рабское послушание окружающих. Зато ярче и ярче ностальгические картинки простых семейных будней в нашей уютной квартире в Сокольниках. Не знаю, если бы я ее увидел сейчас, показалась бы она мне такой же привлекательной, какой она осталась у меня в воспоминаниях? По крайней мере — это был наш дом, а сейчас мы пока, как цыгане. Кочуем по всему миру. Нам еще повезло, поскольку я неплохо зарабатываю, а у многих моих друзей, ко всем прочим проблемам адаптации добавляется безденежье.

Московские кухни... Сколько раз мы засиживались здесь допоздна, за чашкой чая (или рюмкой вина). О чем только ни говорили, а все об одном и том же. Как любили мы неожиданно нагрянувших гостей — родителей или друзей, а то и просто соседей. В Америке гости не приходят неожиданно, а вечеринки (по-английски — party) весьма своеобразны. Обычно они приглашают одну-две пары, заранее, за много дней. Собираются точно к назначенному часу (опоздание больше

чем на 10 минут считается неприличным). Сначала в гостиной на первом этаже все стоя жуют соломку и орешки, бокал вина, small talk ни о чем минут 15. Потом садятся за стол уже в другой комнате, столовой; всего одно блюдо, часто из ближайшего ресторана. Сначала нас расспрашивали о России, это была горячая тема, теперь надоело. Разговор крутится вокруг американских проблем, в которых мы слабо разбираемся, скажем, рыночная конъюнктура и т. п. Риту, меня и детей эти темы не трогают. Час-полтора, и хочется сбежать поскорее.

Проблемы, которые живо обсуждает вся страна, тоже весьма своеобразны, а на мой взгляд — дикие, но не все мои русские друзья согласны с такой оценкой. Типичная программа телевизионных новостей выглядит так. Заметную часть времени занимает обсуждение: запретить или не запрещать аборт. Все американцы разбились на две группы и как сумасшедшие спорят. Те, которые pro life (за жизнь), говорят, что это — убийство. Те, которые pro choice (за выбор), говорят, что запрет на аборт — это нарушение прав женщин. И так уже несколько лет: демонстрации, пикеты, газетные статьи, политические кампании, нападения на врачей и т. д.

Затем еще процентов сорок эфирного времени посвящается борьбе за права меньшинств, причем все равно каких. Это может быть репортаж об американцах иракского происхождения (во время войны в Персидском заливе), либо о гомосексуалистах и лесбиянках. Последние, скажем, требуют, чтобы на них распространялись права супружеских пар (медицинская страховка, право наследования и пр.). Во многих городах, в частности, в Миннеаполисе, соответствующий закон уже принят, их регистрируют в муниципалитете как domestic partners (домашние партнеры).

На все остальные новости, если нет сенсаций, отводится несколько минут. Несколько секунд занимают сюжеты о европейских делах, и примерно столько же — о Союзе. Все это перемежается обильной

рекламой, которая здесь более назойлива, чем в Европе. Конечно, поскольку здесь более 50 каналов, всегда можно найти какой-нибудь классический фильм, но они тоже идут с рекламными вставками, а это меня настолько раздражает, что телевизор я смотрю редко. Иногда Аня смотрит диснеевские мультики. По радио я слушаю Би-би-си из Англии: программа здесь ретранслируется и идет без рекламы. Московское радио и все другие «голоса» на коротких волнах здесь не ловятся.

Я заметил, что те иммигранты из Союза, которые приехали в Америку из маленьких городов, легче переносят адаптационный период и быстрее вживаются в местную жизнь, чем выходцы из больших культурных центров. Тяжелее всего приходится москвичам в возрасте за 30. Для них культурный «шок» наиболее силен.

Перечитал написанное и подумал, не получилось ли слишком мрачно? Мне не хотелось бы, чтобы сложилось впечатление, что нам здесь плохо. Непривычно? Да. Трудно? Пожалуй. Конечно, лучше б мне было 20 лет и силы мои не были бездарно растрочены в борьбе «за светлое будущее». Но сорок два года — еще не вечер. Многие американцы начинают жизнь заново в этом возрасте. (Правда, мои американские ровесники и ровесницы выглядят лет на 20 моложе меня.)

Жизнь в Америке раскрывает в человеке новые грани и способности, о которых мы даже не подозреваем, поскольку с самого момента рождения они были отняты у всех самым коммунистическим образом жизни. Ну, например, кто бы мог подумать, что в Рите дремлет страстный водитель. Даже американцы изумляются тому, сколь быстро и хорошо она научилась водить машину. Большинство американцев покупают машину с автоматическим переключением скоростей и не умеют пользоваться ручной передачей. Мы же купили японскую машину с ручным переключением, более трудную для начинающих но Рита говорит, что управлять такой машиной — это большой fun

(удовольствие, развлечение). Юля тоже уже прекрасно водит, и они все время спорят друг с другом на равных, кому куда ехать.

Вообще принцип, что жизнь — это один сплошной fun, пронизывает сознание американцев и впитывается ими с молоком матери. В этом их сила (и причина того, что в 50 они выглядят как мы в 30), но в этом же и их слабость. Каждую данную минуту — в детском саду, в школе, университете, на работе и дома — они хотят извлекать из жизни максимум удовольствия — enjoy life. Отсюда — свобода в общении, отсутствие комплексов, изобретательность и предприимчивость, творческий дух. Но отсюда же — отрицание упорного, систематического, изматывающего, «кровавого» труда, который необходим во многих вещах. Я, например, сомневаюсь, что из коренного американца в наше время может получиться великий музыкант, как Менухин. Ведь эта стезя требует адского многочасового труда, начиная с трех-четырёхлетнего возраста, и не от случая к случаю, а ежедневного. Какой уж там fun...

Тот же принцип наглядно проявляется в университете (я имею в виду студентов физического факультета). Сейчас, наверное, больше половины студентов на технических специальностях (химия, инженерное дело и т. п.) — иностранцы, в основном китайцы, которым удалось улизнуть из Пекина (Шанхая, Нанкина...) во времена китайской оттепели, и теперь они работают по 16—18 часов в день, только чтобы получить здесь работу и, таким образом, избежать возвращения в коммунистический рай. Американские молодые люди неохотно идут в физику, химию, в инженерное дело — ведь это довольно тяжелая работа, которая не так высоко оплачивается (по американским стандартам).

Наиболее сильные и яркие поступают либо на медицинский факультет, либо на юридический, либо в школу бизнеса. Стартовая зарплата выпускника престижной школы бизнеса может достигать 100000 долларов в год, и работают они с девяти до пяти. А профессор-физик

пашет с утра до ночи, и лишь единицы к концу жизни дотягивают до оклада в 90000 долларов. Молодой же физик получает около 30000.

В моей группе было 11 студентов. Среди них — 6 китайцев или корейцев (я их пока еще не очень различаю), один индус и один москвич, чуть ли не мой бывший сосед по Сокольникам. Все устоявшиеся представления о том, кто занимается физикой, перевернулись вверх дном. Ах, где же эти привычные еврейские мальчики, маменькины сынки с бледной кожей, вековой тоской в глазах и книжкой под мышкой, которые ничего не видят, ничего не слышат, не бегают за девчонками, а сидят над интегралами?.. Их нет. Точнее, больше нет. Они остались в ушедших поколениях (да, может быть, в России еще найдется несколько десятков). Здешние еврейские мальчики — двухметрового роста, косая сажень в плечах, их интересуют бейсбол и политика (местная, конечно, а не международная), последние марки машин, и где лучше провести каникулы.

Как это ни странно, тот стереотип еврейского мальчика-книгочея, который всем знаком с давних пор и столь ненавистен нашим «патриотам», практически исчез и в Израиле. По крайней мере, когда я там был, они мне на глаза не попадались. Видимо, характерные черты этого стереотипа не генетические, а выработались под влиянием социальной задавленности и изначального страха, от которого с молоком матери всасывается привычка — почти инстинкт — жить с головой, втянутой в плечи, и взглядом, обращенным внутрь. Как только соответствующие внешние факторы исчезают, уже в следующем поколении возвращаются исходное жизнелюбие и прочие этнические черты, которые, по-видимому, были характерны для древних евреев времен царей Давида и Соломона.

Многим китайцам не удалось вернуться в Америку из-за политических изменений в Пекине — их больше не выпустили из Китая. Аспирантуры

физических факультетов заметно пустеют. Сейчас пустующие места начинают потихоньку заполняться выпускниками Физтеха и других институтов Москвы и Новосибирска. Это меня очень радует, так как уровень наших намного выше.

Интеллектуальная и культурная жизнь в Америке сосредоточена в университетских кампусах. Количество университетов фантастически велико, по нашим понятиям, хотя, конечно, их уровень сильно колеблется. Есть университеты-гиганты, типа государственного университета Калифорнии. В нем 10 кампусов, разбросанных по разным городам Калифорнии, и сотни тысяч студентов. Самые престижные университеты — их десять — относительно небольшие. Все они — частные, и многие были основаны еще при англичанах. Их называют «университеты плющевой лиги», так как они имитируют английский Кэмбридж: построены из красного кирпича и увиты плющом. Обучение в этих университетах стоит 25—30 тысяч долларов в год. Полностью эту сумму способны уплатить только дети из очень богатых семей. Но это вовсе не означает, что семья с умеренным доходом и вовсе бедные не могут послать туда своего ребенка. Если мальчик или девочка заканчивают школу с хорошими отметками и имеют хорошие рекомендации учителей, их все равно примут и заплатят за них из частных или государственных фондов.

Таким образом восстанавливается социальная справедливость: плохой или средний студент — плати сам. Никаких вступительных экзаменов тут нет. Школьники за полгода высылают документы, и потом они проходят заочный конкурс. Все основные школьные экзамены стандартизованы и проводятся в одни и те же дни с одними и теми же вопросами по всей стране и даже за границей.

Я часто спрашивал себя, почему эта система защищена от злоупотреблений. Почему школьный учитель за взятку или просто из доброго отношения не может написать фальшивую рекомендацию плохому ученику? Основная причина — чисто экономическая, и это очень разумно. Жизнь устроена так, что брать взятки просто

невыгодно. Ну сколько могли бы предложить учителю? Ну 5, 10, максимум 15 тысяч долларов. Но ведь его годовая зарплата около 40, а если вскроется обман, то работу ему не найти никогда. Неизбежный результат — прекращение платежей по кредитам, продажа дома с молотка и т. д. Нет, ни один американец на это не пойдет. Собственность — великая вещь. По этой же причине, кстати, здесь практически отсутствует такое распространенное у нас мошенничество, как фиктивный брак.

Преподаватели университетов и профессора — это среда, являющаяся наиболее близким аналогом нашей интеллигенции. По числу, я думаю, их не меньше, но они очень разбросаны, рассредоточены по всей стране. Большинство университетских кампусов расположены в маленьких городках, посреди ничего, как здесь говорят. Собственно университет, студенческие общежития, кафе, рестораны, десяток магазинов и несколько сотен коттеджей, где живут преподаватели, — вот и вся цивилизация, а до ближайшего города, может быть, сотня миль. Но им так нравится. Что ж... В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Ну и, конечно, система коммуникаций абсолютно фантастическая. Любую книгу можно выписать из книжного магазина, телефонная и компьютерная связь из любого места в любое. Я знаю одного профессора физики, который регулярно летает на все премьеры оперного театра в Сан-Франциско за 200 миль на маленьком самолетике местной авиакомпания: в 6 вечера — туда, в 11 — обратно.

Социальный престиж университетских интеллигентов довольно высок, много выше, чем у нас, но все-таки ниже, чем в немецкоговорящих европейских странах. Здесь их считают чудаками и относятся несколько снисходительно, как к большим детям. Среднему американцу непонятно, как умный и образованный человек может отказаться от высоких заработков в промышленности, предпочтя им

академическую карьеру. Впрочем, знающих специалистов ценят и оплачивают хорошо. Высшие чиновники в правительстве получают не больше лучших профессоров.

Несколько слов о той черте американцев, которая в моих глазах перевешивает все их недостатки: неумная, въевшаяся во все поры общественной и частной жизни идея о правах человека и о всеобщем равенстве перед законом. Только теперь я по-настоящему понял, что давние речи Рейгана — это не поза. Я бы сказал, что эта идея в США даже слегка гипертрофирована. Никто никогда здесь не посмеет отказать человеку в приеме в институт или на работу только потому, что он — этот человек — еврей, или черный, или китаец, или верит в «неправильного» бога и т. д. Если бы и нашелся такой безумец (или безумная организация), его бы буквально раздели до нитки адвокаты, а неудачливый (или, скорее, удачливый) соискатель места получил бы миллионы в качестве возмещения за моральный ущерб. Обязательная приписка на всех объявлениях о найме — equal opportunity — на равных основаниях...

В тех случаях, когда на одно и то же место есть несколько заявлений и среди них заявление от женщины или от представителя какого-либо меньшинства, причем профессиональный уровень последних не на много ниже остальных претендентов, принадлежащих к большинству (WASP — белые англосаксонские протестанты), участь претендентов, представляющих большинство, предрешена. Как говорится, просят не беспокоиться. Никаких подразделений по этническим признакам не существует ни в каких документах, а национальная принадлежность и религия — по-настоящему личное дело. Само слово «национальность» в американском понимании имеет только одно значение — гражданство. Советский паспорт с соответствующей графой вызывает у них мгновенную ассоциацию — желтая звезда Давида в нацистской Германии.

Самое поразительное, что англосаксонское большинство не только не

противится такому порядку вещей, но, наоборот, с фантастическим упорством проводит его в жизнь. Например, после вьетнамской войны в Америке появилось довольно много вьетнамцев, убежавших от коммунистов. Как правило, это были простые крестьяне. Миннесота, была заселена лет 200 назад в основном выходцами из Скандинавии. Так вот, штат выделил много денег, чтобы помочь этим беженцам приобрести землю. Они принесли сюда совершенно новую культуру земледелия, трудолюбие и диковинные фрукты, которыми теперь магазины забиты круглый год, и по ценам, пожалуй, более низким, чем в окружающих штатах. Некоторые скандинавские фермеры не выдержали конкуренции и разорились, но никому не пришло в голову упрекать за это вьетнамцев. Наоборот, ими здесь гордятся — «наши вьетнамцы могут вырастить такое...» А их дети теперь заполнили аудитории университета, где я преподаю физику.

Я часто думаю: в чем же причины того, что общественное сознание здесь так не похоже на российское? Конечно — это характерная ментальность англосаксов. Конечно, *melting pot* — «плавильный горшок», куда на протяжении двух веков стекались наиболее предприимчивые и свободолюбивые люди со всех концов земли. Конечно, идеально сконструированная конституция и высокая правовая культура, уважение к законам. Но все это не сработало бы (или, точнее, сработало бы в неполной мере), если бы не эффективная экономическая система. Ведь предпринимателю все равно, черный ты или желтый и кому ты молишься дома. Важно только одно: есть ли у тебя голова на плечах, сможешь ли ты дать прибыль.

Нет, стоящих людей здесь не упускают, за ними охотятся. Кто уж тут будет разбираться, кто у тебя папа с мамой!.. Рита недавно была на экскурсии в Honeywell — это крупная местная компания, которая занимается в основном военными заказами. Так вот, она встретила там женщину, уехавшую из Москвы лет восемь назад. Здесь она — начальница одного из больших отделов. И это — в военном-то производстве... Вспоминаю наших омерзительных режимщиков, и тошно становится, вся ностальгия сразу улетучивается.

Несмотря на сексуальную революцию и все такое прочее, в основе общества здесь — семья, в гораздо большей степени, чем в Москве. Английское слово «friend», которое обычно переводится как друг, на самом деле больше соответствует нашему «приятель», «хороший знакомый». Близких друзей в нашем понимании здесь нет, или это редкое явление. Так что все человеческое общение, которое, конечно, необходимо всем, сосредоточено в семье, в узком смысле этого слова: муж, жена, дети (как правило, много).

Взрослым детям (тем более внукам) родители (бабушки, дедушки) не помогают, по крайней мере, в той степени, как это принято у нас. После 21 года дети считаются самостоятельными и живут отдельно.

С одной стороны, американская семья — продукт современной эпохи, с очень свободным отношением к детям, личность и достоинство которых всячески подчеркиваются. С другой стороны, в ней сохранились древние корни. Например, супружеская неверность осуждается, в отличие от Западной Европы, где к ней относятся вполне терпимо. Как правило, американские семьи крепкие. И мне очень нравится, как уважительно дети относятся к родителям, я бы очень хотел, чтобы и мои дети ко мне так относились. Проблема отцов и детей решается в общем-то просто: каждая сторона уважает мнение другой, хотя и оно не обязательно во всем совпадает.

Как выглядит экономика американской семьи? Средняя зарплата работающего — 26 тысяч в год. Если работают муж и жена — 52 тысячи. Около 15 тысяч уходит на налоги и пенсионный взнос (минимальная пенсия гарантируется). Около 7 тысяч — питание (у нас в семье на это уходит 600—700 долларов в месяц, на питании мы не экономим; фрукты, клубника, арбузы — круглый год). Примерно 3 тысячи — медицинская страховка и прочие медицинские нужды. От 3 до 5 тысяч — автомобиль и все с этим связанное (если двое работающих, то не меньше двух машин, иначе на работу не доберешься). Две — три тысячи — одежда и прочие мелочи. Все

остальное — основной и всепоглощающий расход: выплаты за дом и обучение детей. Как нетрудно подсчитать — это около 25 тысяч в год.

У американцев, на мой взгляд, патологическая тяга к тому, чтобы жить обязательно в собственном доме, на своей земле. Это — мечта и цель существования среднего человека. С самого раннего детства семья, окружение, общество готовят его к достижению этой цели. Жить в многоквартирном доме, где сверху, снизу или сбоку есть соседи, ненормально для здорового американца, противно его существу. Значительная часть экономики подстроена под эту особенность психологии. Специальные налоговые льготы стимулируют покупку дома; банки, строительные и ландшафтные фирмы, агентства по продаже недвижимости и т. д. и т. п.

Дома очень просторные (шесть—семь комнат) являются нормой, возле каждой спальни, как правило, ванная и туалет; камин — иногда два — и air condition тоже не исключение. Но поскольку эти дома должны быть (относительно) доступны для каждой семьи, строятся они, я бы сказал, на живую нитку. Основной строительный материал — брус, фанера, доски. Нет и в помине европейской солидности (там, в Европе, дома строят на века, а здесь — на десятилетия). Нет и европейского изящества. Все просто, функционально, никаких излишеств, прямые линии, и все стандартизовано до предела: обои, мебель, люстры — все одинаково. Покупая дом, никто не рассчитывает прожить в нем всю жизнь, обычно, их меняют раза три-четыре. Дом стоит тысяч двести (вместе с участком). Мало кто имеет такие деньги в наличии. Обычно берут ссуду в банке и потом выплачивают ее (плюс проценты) тридцать лет, по тысяче — полторы в месяц.

Образование детей — вторая постоянная забота и постоянный расход американской семьи. Частная школа стоит очень дорого, около 10000 долларов в год. Есть, конечно, и общественные школы (бесплатные, public), но ситуация здесь, на наш советский взгляд, я бы сказал,

странная (хотя они этого не понимают). Дело в том, что общественные школы финансируются только из местного бюджета, который, в свою очередь, складывается из налогов граждан. Чем богаче район и состоятельнее его обитатели, тем больше они платят налогов, тем больше школьный бюджет и лучше школа: лучше учителя, больше программ предлагается сверх обязательной нормы и т. д. Молодые семьи, которым позволяет доход, начинают перемещаться в районы, где есть хорошие общественные школы, то есть в пригороды. В городах же остаются относительно бедные семьи, налоговые поступления падают, школы приходят в упадок, что вызывает еще более быстрое бегство обеспеченных семей из городов в пригороды и т. д. Система с положительной обратной связью. В городах остаются либо очень богатые люди, посылающие детей в частные школы, либо бедняки или бездетная богема.

Американские женщины, по-моему, представляют собой какую-то новую невиданную расу. Они просто помешались на равноправии, все хотят делать наравне с мужчинами и, кажется, скоро заставят последних рожать детей. Об устройстве на работу я уже писал. Здесь, пожалуй, не осталось профессий, куда не берут женщин.

Американские женщины говорят отрывисто и энергично, одеваются функционально (что удобно, то и носят) и выглядят довольно-таки устрашающе. То, что у нас считается «рыцарским поведением», многие американские женщины воспримут как наглую дискриминацию. Так что я их побаиваюсь и не вполне понимаю, как с ними надо обращаться. Нет в них ни таинственной недосказанности, ни легкого аромата, ни элегантности и хрупкости парижанок или римлянок. Зато энергии, прямоты и раскованности — хоть отбавляй. Что-то они приобрели в своем равноправии, но не больше ли потеряли?..

Вся общественная жизнь крутится вокруг церквей и конгрегации. Все люди, за редким исключением, принадлежат к той или иной конгрегации, хотя это и не означает высокой религиозности. Скорее,

это что-то вроде английских клубов: собираются вместе друзья-приятели, обмениваются новостями, иногда бывает общий обед, знакомят друг с другом детей. Они же играют роль хранителей культурного и национального наследия, традиций, например, семейных и кулинарных. Здесь же из поколения в поколение передаются моральные ценности. Неважно, к какой именно конгрегации принадлежит тот или иной человек. Считается, что любая из них несет высокие моральные ценности: любовь, добро, терпимость...

Декабрь 1991.

Это второе большое письмо из Америки я собирался начать четыре месяца назад, сразу по возвращении из путешествия в Колорадо и Новую Мексику. Я обдумывал его за рулем на обратном пути, пока Рита спала на заднем сиденье, а я выжимал из машины все возможные и невозможные мили, борясь таким образом с однообразием великих прерий, по которым мы тянулись час за часом без каких-либо видимых перемен. Оно должно было быть чем-то вроде путевого дневника, куда бы я напихал новые впечатления, дополняющие мою прежнюю картину американской жизни.

Дневника не получилось. Мы вернулись в Миннеаполис 18 августа вечером, ужасно усталые, и вскоре пошли пить чай к Вайнштейнам. Время приближалось к полуночи (около 8 утра 19-го в Москве), вдруг раздался телефонный звонок: «Срочно включите телевизор!»

CNN непрерывно передавала сообщение о смещении Горбачева и о военном перевороте в Москве. Должен признаться, меня бросило в нервную дрожь, зубы стучали друг о друга, как поело часового стояния на автобусной остановке в 30-градусный мороз. Не знаю, почему это случилось именно со мной. Никто из присутствующих — а довольно много друзей собралось послушать о наших приключениях — не реагировал столь нервно. Я смотрел на Янаева, видел его бегающий

взгляд типичного алкаша и думал: «Неужели эти выродки возьмут власть?» Тогда я был уверен, что это — конец...

И сегодня, четыре месяца спустя, я снова и снова анализирую — по контрасту — американское общество и начинаю понимать нечто, что, перевешивает несомненные и очень серьезные недостатки (когда-нибудь они, недостатки, могут стать смертельными, но об этом позднее). С первыми бессвязными словами впитывают здесь дети представление о правах, неотъемлемых от человека, принадлежащих ему по праву рождения. Это ощущение свободы по праву рождения проносят американцы через всю жизнь, они гордятся им, гордятся своей страной, которая может быть построена на этих и только этих принципах. Это их вклад в мировую цивилизацию, такой же огромный, как заповеди Моисея и учение Христа.

Говорят, что Америка — это все переплавляющий котел, открытый для всех людей, всех культур, всех жизненных укладов и точек зрения. Потребовалось прожить здесь год, чтобы по-настоящему почувствовать этот «плавильный горшок». С большим изумлением наблюдаю, насколько обычными стали здесь смешанные браки: например, три моих знакомых физика женаты на американках китайского происхождения (все три физика — американцы польской, еврейской и французской крови соответственно). Мой новый знакомый, преуспевающий сценарист из богатой еврейской семьи, только что женился на негритянке — поступок, абсолютно немыслимый даже для предыдущего поколения. Очень часто можно встретить белую пару, усыновившую черных детей, иногда сразу нескольких.

А что они только не обсуждают публично, в печати или с экрана телевизора! Не припомню такой темы, которая была бы закрытой. На все у них имеются подходящие слова и разработанная терминология. Недели три тому назад я обедал с одной очень приятной женщиной лет пятидесяти, которая оказалась медсестрой-акушеркой из

небольшого города в Висконсине. Она рассказала мне, что в своем госпитале ведет программу предродовой подготовки, которую посещают не только будущие мамы, но и все члены семьи: муж, дети, часто бабушки и дедушки. Когда приходит время рожать, женщина не остается наедине со своими страданиями, в госпитале муж и дети (иногда и другие родственники) помогают ей от начала и до конца.

Эта женщина — весьма скромного достатка, по американским понятиям, из фермерской семьи немецкого происхождения, где были еще 8 детей и строгие протестантские принципы. Ее дочь живет в одной комнате с нашей Юлей в студенческом общежитии. Узнав, что я — иностранец, она пригласила меня на обед в маленький ресторан и подарила мне и Рите какие-то незамысловатые подарки к хануке и трогательную открытку с шестиконечной звездой. Еще она сказала, что видела по телевизору, что люди в России голодают (хотя она не понимает, как это возможно при таких просторах), и не может ли она чем-либо помочь нашим родственникам. Я много поездил по западным странам и не думаю, что в какой-либо практически незнакомый человек вот так, с ходу, предложил бы свою помощь. Она пригласила Юлю провести весенние каникулы на родительской ферме, в висконсинской глубинке.

Я уже писал о поразительном, безусловном уважении к закону и суду, которое стало азбукой американской жизни. Исключение, к моему стыду, составляют «бывшие русские», воспитанные в противоположных традициях и активно внедряющие эти традиции в новое окружение. Очень многое в американском обществе держится на доверии, никто не требует никаких справок, не проверяет анкет, верят на слово. В общем для мошенников не жизнь, а малина. Как это ни странно, таковых здесь очень мало, гораздо меньше, чем мне встречалось в Москве, где, как известно, никто на слово не верит. В октябре вся Америка неделю не отрывалась от телевизора — обсуждали нового кандидата в Верховный суд. Раз избравши, его уже нельзя оттуда изгнать, и от его решений на протяжении многих лет

будет зависеть жизнь каждого американца. Боже мой, это был более захватывающий спектакль, чем любая придуманная драма. Несчастный Кларенс Томас... Какие только детали его жизни, включая интимную, ни выволокли на свет! Пожалуй, тогда я в первый раз проявил интерес к американскому телевидению, к их внутренней жизни вообще. После этого я потихоньку стал втягиваться и в другие вопросы, например, экономического характера, и не выключаю больше телевизор при сообщениях о снижении банковского процента.

Большое летнее путешествие по Америке, которое мы совершили с Ритой, безусловно продвинуло нас в понимании этой страны. В чем-то она похожа на Россию больше, чем Европа, — просторами ли, бесшабашностью людей, заброшенными и неухоженными строениями. Но и отличия бесконечно велики. Вся жизнь здесь крутится вокруг дорог, которые, как кровеносные сосуды, тянутся с юга на север и с востока на запад (первые обозначаются нечетными номерами, вторые — четными). Люди в буквальном смысле живут на колесах. Сдались и мы — сняли квартиру побольше и получше в пригороде, купили вторую машину и теперь ездим без конца туда-сюда.

Бывают дни, когда из своей «деревни» мы с Ритой мотаемся в даунтаун и обратно по три-четыре раза. Вечером, закрыв глаза, я вижу дорогу в огнях, разделительные линии, и все плывет и едет у меня в мозгу. Зато наши окна упираются в небольшой лесок, за которым необъятное поле, белки и зайцы постоянно у нашего порога, а несколько раз приходили даже олени. Зайцев Рита кормит морковкой. Воздух настолько чист, что за два месяца почти не набралось пыли, которую бы нужно было стереть при уборке. От нашего дома до университета 19 миль (около 30 километров), обычно я проезжаю это расстояние за 20 минут, но в час пик требуется минут 40, а однажды после большого снегопада Рита добиралась почти два часа. Снегопад — это каждый раз стихийное бедствие. Ведь ни метро, ни электричек нет, все только на машинах, а когда дороги покрываются снегом или льдом... Американцы посыпают дороги не песком, а какой-то гадостью, от которой снег довольно быстро сходит, но и машины «сгорают».

Разумеется, машин им не жалко. Ближайший торговый центр в 5 минутах от нас — гигантский, как футбольное поле, не понимаю, кто там делает покупки. А сейчас недалеко от нас строится еще один суперцентр, который, как говорят, будет крупнейшим в Америке. Марсиане, что ли, будут ездить туда за покупками?..

Вот уже почти два месяца гостят у меня родители. Любопытно, что они проходят через те же стадии неприятия, через которые прошли и мы. Например, двухэтажный дом, который мы арендуем, они воспринимают как дачу, и все время прозрачно нам намекают, что надо бы переехать в центр (все мои попытки объяснить, что в центральных кварталах бывает небезопасно, окончились неудачей). Сначала они никак не хотели смириться с тем, что основной водитель в нашей семье — это Рита. В конце концов, она кажется завоевала их сердца. Особенно резко изменилось их отношение после того, как я случайно проделал чудовищную дыру в нашем гараже — я не виноват, что американцы делают гаражи «на соплях» — и слегка погнул новую машину. Теперь они требуют, чтобы их возила только Рита. На худой конец согласны на Юлю. Нашу «деревню» они иначе, как Снегири, не называют (настоящее название Eden Prairie — Райские прерии). Свою жизнь здесь они рассматривают как отпуск в подмосковном доме отдыха и стараются перепробовать все экзотические фрукты, которые я покупаю. К сожалению, в остальном изменить их пищевые привычки на здоровые, с точки зрения американцев, мне не удалось. Папа требует только сосиски и яичницу (чистый яд для американца). Как это ни странно, местный хлеб им нравится, а я не могу забыть московского, черного...

Рита нашла вторую работу. Дважды в неделю она преподает теперь в частной школе, в 55 милях от Миннеаполиса, где учатся и живут отпрыски богатых семей со всего света. Этой школе больше ста лет, и она известна и в Европе, и в Японии. Там есть одна ученица, пожелавшая изучать русский. И наняли Риту, платят ей 80 долларов за два 45-минутных урока в неделю. Это — окно в другой мир, о котором

мы знаем только из книг и кино. В недавнем сочинении ритина ученица так описала свои каникулы: « ... сначала мы с мамой катались на лошадях, потом нам надоело, и мы решили поехать на берег океана; на берегу было славно...» Рита говорит, что девочка очень умная и образованная и заниматься с ней интересно. В ее первой общеобразовательной школе Рита тоже делает большие успехи, недавно она принесла отзыв о своей профессиональной деятельности, из которого следует, что она — прирожденный педагог и дети в ней души не чают. Еще она принесла очень трогательные поздравления детишек ко дню благодарения.

Возвращаюсь к летнему путешествию. Я понял, что американцы в душе остались ковбоями, только место лошади занял автомобиль. Они живут, как на острове: дом, машина, футбол (американский) — вот и все проблемы. Они не устраиваются жить подолгу в одном и том же месте, как европейцы, не пускают корней.

Такая психология часто приводит к тому, что качество американской продукции падает, а при открытом рынке это превращается в серьезную проблему. Коренного американца трудно заманить в качестве рабочего на фабрику, практически невозможно, если только речь не идет о высоких технологиях. Там же, где существуют еще низкие технологии, работают в основном иммигранты из стран третьего мира, а большинство заводов такого сорта вообще перемещается на Тайвань или в Мексику.

Открытость общества часто оборачивается минусом — кто сюда только ни пробирается правдой и неправдой! Беженцы с Гаити — недавний тому пример. Американцы с ними возятся, но ведь совершенно очевидно: нужно несколько поколений совершенно иной жизни, чтобы их потомки смогли вписаться в современные общественные структуры. А пока они пополняют то, что здесь называется *underclass*, и садятся на шею американскому налогоплательщику, который и так

выкладывает в виде разных налогов больше трети заработанного. Но при этом большинство коренных американцев считают, что беженцам нельзя отказать во въезде в страну, закон на их стороне. Это очень серьезная проблема, которую, как мне кажется, американцы пока еще недооценивают.

Ко многому я уже привык, притерпелся, произошла, отчасти, переоценка ценностей, и я понял, что многие отрицательные аспекты с лихвой компенсируются. Но все равно время от времени ноет сердце, хочется в настоящий европейский город, где люди ходят пешком или ездят на метро, где многоэтажные дома строят из кирпичей, и в них живут не одни старики или чудаки, где школьники дома по вечерам делают домашние задания, а в школах не кладут ноги на стол. Недавно по телевизору я смотрел кусочек московского КВН, и мне показалось, что московские девушки намного красивее американок, несмотря на абсолютную раскованность последних. Кто знает, может быть, определенные лишения накладывают (правда, не на всех) печать внутренней красоты и одухотворенности.

Мне и моему семейству очень нравится ощущение свободы в путешествиях — вновь обретенное чувство, которое придало нам как бы еще одно измерение. О своем летнем путешествии я уже писал. Три недели мы пробыли в Аспене, горном курорте для богатых стариков и старушек, где, как это ни странно, есть хороший физический центр. Аспен очень напомнил мне Швейцарию: такие же живописные улочки, забитые маленькими магазинчиками, рестораны под открытым небом, неспешные люди, неспешно беседуя, прогуливаются вдоль зеркальных витрин — чего там только ни увидишь! И всюду горы...

Еще Аспен знаменит тем, что каждое лето здесь проходит фестиваль классической музыки, съезжаются все талантливые молодые музыканты Америки, а иногда и из-за границы. Почти каждый день мы ходили на концерты. Билеты стоят дорого (увы, — не московская

консерватория), так что, как правило, мы ходили днем, так дешевле, хотя чувствуешь себя как-то затрапезно, нет торжественности. Меня поразило, что среди молодых исполнителей явно доминируют китайцы и японцы. Изнурительный, ежедневный, многочасовой труд с четырех—пятилетнего возраста, необходимый, чтобы достичь вершин мастерства, не входит сегодня в систему ценностей средней американской семьи. Подобные упражнения здесь, скорее, воспринимались бы как насилие над ребенком.

Потом мы были в Санта Фе, который отчасти можно считать американским Парижем в том смысле, что в этом городке живут и работают, наверное, 2/3 всех художников западного полушария. Сколько же в нем галерей! Я начинал считать несколько раз, один раз дошел до 260 и сбился, хотя было видно, что я пересчитал лишь часть.

Городок очень своеобразный, один из старейших (он был основан испанцами в 1600 году). Здесь сохранился и бережно сохраняется колорит испанских и индейских поселений. Муниципалитет разрешает строить новые здания только двух типов — в испанском стиле и в индейском, причем последних явно больше. Получается довольно забавно. Скажем, снаружи большое глиняное строение, довольно уродливое, напоминающее муравейник, а внутри — фешенебельная гостиница.

Улочки извилистые и не нумеруются цифрами, как это принято во всех других американских городах, а имеют приятные испанские названия, так что душа моя отдыхала. Мне кажется, что художников привлекает сюда дикая, ничем не испорченная красота мексиканской полупустыни — с кактусами—колючками и какой-то особой травой, которую я никогда раньше не видел, а цвет ее не могу назвать, в моем словаре нет такого слова, и сравнить не с чем. Вообще штат Новая Мексика — один из беднейших, фермеры там (испано—индейская кровь) живут, наверное, почти как в России, домишки хлипкие, ездят на машинах 15—20-летней давности. Но город Санта Фе процветает из-за туризма.

Неделю, которую мы с Ритой провели в Санта Фе, можно назвать нашим медовым месяцем (с запозданием в 20 лет). У нас было много приключений с машиной (как в каждом приличном ковбойском фильме) и одно детективное приключение. Мы познакомились с молодой кубинской парой (оба учились на физфаке в Москве и прекрасно говорят по-русски), сбежавшей с Кубы в Америку очень извилистым путем: через Москву, Будапешт, Вену, Мадрид. Причем за ними все время гнались кубинские кагэбэшники, и было много историй с переодеваниями, фальшивыми документами и т. д. Мы были свидетелями последнего акта этой драмы.

До встречи с ними я думал, что такие ситуации остались только в детективных романах или кино.

Аня практически все лето провела в еврейском лагере на берегу озера в северном Висконсине. Это было очень хорошо и для нее, и для нас — мы отдохнули друг от друга. Надо сказать, что именно у Ани адаптация к новой жизни проходила и проходит наиболее трудно. Мы вытащили ее из уютной и привычной среды обитания, которую она только и знала и которая давала ей только приятные ощущения — умные сверстники с возвышенными идеалами, тягой к учебе и бесконечно далекие от материальной стороны жизни. Бескорыстная дружба, и Аня всегда на первых ролях, милые интеллигентные родители, разговоры о новых книгах, последних выставках, музыкальные вечера. Все плохое у нее еще было впереди, она еще не знала «взрослых» проблем.

И вот мы вытащили ее из этого теплого гнезда и бросили в незнакомый и холодный мир, очень жесткий, предельно прагматический и откровенный. Даже дети здесь с малых лет знают, что такое деньги. Их учат бороться за свое место под солнцем, так что и в помине нет того романтического флера, который обычно туманом клубится вокруг московских детей нашего круга вплоть до выпускных школьных экзаменов, а иногда и дольше.

Я думаю, Аня была просто не готова к переменам (в чем и наша вина), и душа ее сломалась. Особенно тяжело было с ней в прошлом году, да и сейчас надлом не зарос полностью, и не знаю, зарастет ли. Одно время мне по-настоящему было страшно за нее. Надежда на спасение появилась с неожиданной стороны.

Почти случайно Аня попала в воскресную школу, где учат иврит, еврейскую историю и тору. Дети там оказались добрее к ней, чем одноклассники в ее школе, и она инстинктивно потянулась к ним, стала понемногу оттаивать. Нам было страшно, что эта последняя соломинка оборвется, но этого не случилось. Переломным моментом на этом пути, который, дай бог, приведет ее к выздоровлению, была поездка в летний еврейский лагерь Рамá.

Рамá — это что-то вроде наших пионерских лагерей. Конечно, ничего похожего на пионерские лагеря здесь нет — ни по масштабу, ни по структуре. Большинство детей летом просто подрабатывают: либо на заморскую экскурсию, либо на машину, либо на колледж. Некоторые частные организации — религиозные, учебные, спортивные и т. д. — устраивают для «своих» детей загородные палаточные городки или кабинки и учат их там чему-нибудь вперемежку со спортом и фаном.

Стоит это дорого, поэтому поехать туда могут только либо дети богатых родителей, либо те, кто чем-нибудь отличился и получил поощрительную стипендию от какой-нибудь организации. Например, за Аню 3/4 денег заплатила воскресная школа за ее успехи в иврите. (Она кончила первой: это тоже обязательный элемент американской образовательной системы — в конце года каждый ученик знает, какой он по счету: соответствующая информация вручается в запечатанном конверте, чтобы никто больше не знал и самолюбие плохих учеников не было бы задето. Отметки публично не сообщаются и считаются конфиденциальной секретной информацией.)

Мы с Ритой были на родительском дне в Раме. Как убого там все выглядело! Я думаю, самые бедные пионерские лагеря в России могли

бы легко посоперничать. Причина, разумеется, в том, что здесь государство детским лагерям совсем не помогает и лагерь сам платит безумные деньги за аренду земли, врачам, которые обязательно должны присматривать за детьми, педагогам и т. д. Но оказывается, дело не в богатых стенах. Аня была в восторге от занятий, кружков, дискуссий, походов. Они даже поставили спектакль на иврите, и у Ани там была небольшая роль. Там она нашла близких ей по духу друзей и постепенно стала вылезать из той ямы, в которую попала.

Март 1993.

Я начал писать это письмо в конце декабря. В это время всегда стараюсь выбрать день или два, свободных от обычной суеты, чтобы посидеть, подумать и подвести черту под уходящим годом. Мне очень важно понять, что было достигнуто, а где я потерпел неудачу. (Что-то в последнее время все больше думается о последнем.) В эти же дни я пишу большие письма родителям и друзьям.

Мои друзья... Ну и разнесло же их по всему миру! В Европе уже трудно найти страну, где бы их не было. Добрались даже до Мексики. Раньше такие страны мне казались географическими фантомами, и уж никак не мог я предполагать, что люди, которых я хорошо знаю, могут там обосноваться. Неисповедимы пути господни...

Друзья, которые остались в Москве, потихоньку отдаляются. Их письма кажутся странными. Неужели я так изменился всего за три года? Разумеется, ничего не забыто: все эти бесконечные вечера за чашкой чая в нашей уютной кухне — лучшая часть моей московской жизни. Все это было, как вчера. И все же расстояние растет... Я уже не схожу с ума от идиотизма российской действительности, который почему-то пережил крах коммунизма... И все-таки здесь я не вполне честен. Недавно я ездил в Стокгольм и Хельсинки. Там можно принимать программы российского телевидения, и я не мог заставить себя выключить телевизор каждую ночь почти две недели. Политические

программы пропускал сразу (вот он, идиотизм, в чистом виде — все еще спорят о том, что очевидно всему миру), а смотрел на лица простых людей. Например, во время КВН «Россия — Израиль».

Я смотрел на лица зрителей в зале и завидовал ИМ. Есть В НИХ ЧТО-ТО, что резко отличает эти лица от нормальной западной толпы. Загнанные, замученные, а все равно красивые. Может быть, потому, что это лица моего народа. Но и здесь меня тоже сразу же узнают — как бы я ни был одет и как бы я ни совершенствовал свой английский. В одной из дорогих тель-авивских гостиниц я только еще подошел к стойке, помахивая чемоданом от Сен-Лорана, и сказал: «Sorry...», как девушка на регистрации заговорила со мной по-русски. Они узнают меня даже без слов. Очевидно, есть в русской культуре глубокие корни, настолько отличные от западной нормы, что соответствующую метку на лице не стереть уже ничем, как бы ни сложилась вся оставшаяся жизнь. Может быть, потому, что мы всегда находим причины пострадать: нет в мире совершенства, и всех не сделаешь счастливыми, ну и так далее, по Достоевскому...

Первая в нашей жизни машина, которую мы купили около трех лет назад, прошла уже 150000 миль (240000 км) и стала старой — все время ломается, по утрам долго не заводится, иногда внутри нее что-то скрипит или ухает. Только когда мотор хорошо прогреется, она начинает бегать резво. Ее надо бы выбросить, но я не могу, мне ее жалко, я привязался к ней, как к родной. Я думаю, что каждый мужчина испытывает особенные чувства к своей машине, особенно к первой. Это почти как первая любовь. Часто ловлю себя на мысли, что наши с ней судьбы похожи.

Я тоже по утрам встаю с каким-то мутным ощущением в голове (и не только в голове), плохо понимаю, зачем я здесь и вообще зачем, хожу, как вялый. К ланчу все-таки расхожусь, врубаюсь в полную силу, и жить становится опять интересно. Вообще, задача номер один у меня

сейчас — это выработать положительное отношение к жизни. Так, чтобы от всего получать удовольствие.

Я нахожу все больше и больше хороших сторон в американской жизни. Мерно гудит компьютер, и стол мой в моем домашнем кабинете завален привычными предметами. Дом стоит на пригорке, окружен старыми дубами, белки резвятся возле наших ступеней, а один раз мы видели даже фазанов. Лужайка вокруг дома покрыта белым-белым снегом, я гляжу в окно и чувствую, как душевное спокойствие, столь необходимое для хорошей работы, потихоньку вливается в меня. Можно говорить все что угодно, но чувство собственности — один из сильнейших, базовых человеческих инстинктов. Оно вполне может быть источником уверенности в себе. Очевидно, коммунисты фундаментально заблуждались, предполагая, что в состоянии истребить этот инстинкт или вытеснить его абстрактной идеей счастья всего человечества. Идея хороша (увы — нереализуема), но только как дополнение к собственному финансовому благополучию.

Я должен сказать (нет, мне приятно это сказать), что Рита просто преуспевает. Ею невозможно не восхищаться. Я понял теперь, что трудности нашей прежней жизни подавляли большую часть ее личности, и только сейчас, когда ей 40, ее «я» начинает раскрываться в полной мере. Она преподает русский в школе, расположенной в очень бедном районе. Ее ученики — преимущественно маленькие негритята, некоторые из очень неординарных семей (среди родителей можно встретить и проституток, и других «профессионалов» такого типа). Довольно много недавних иммигрантов из Лаоса, которые (очень часто) едят лишь раз в день — на бесплатной раздаче в школе. Можно представить себе, как выглядит типичный урок. К концу урока класс обычно стоит на голове, и Рите приходится собирать в кулак всю свою волю и нервную энергию, чтобы выжить в подобном окружении. И тем не менее, она считает, что это — творческая работа, и не хочет ее бросать. Ей кажется, что она может сделать хоть что-то полезное для

этих бедных детишек, по крайней мере, для некоторых, и их любовь — лучшая награда.

Все приходится изобретать «на ходу» и все впервые, поскольку подобного опыта нет нигде в США. Больше никто здесь не обучает русскому детей в этом возрасте (от 5 до 13). Многие дети раньше даже и не подозревали, что такой язык вообще существует. Так что Рита придумывает хитроумные трюки, показывает им русские мультики, поет песни, играет в разные игры, а заодно с изумлением открывает для себя, как нелинейна детская логика и как велики возможности обучения. Иногда они выхватывают совершенно незнакомые слова прямо-таки из воздуха, сами придумывают их (и делают это правильно) и запоминают раз и навсегда. Они часто задают вопросы, от которых губы сами складываются в улыбку, например, есть ли в России машины или как выглядят автобусные билеты и для чего они нужны.

Резонно спросить, зачем вообще нужен русский этим детям, чье будущее весьма проблематично? Этот вопрос часто приходит на ум. Как бы там ни было, правительством штата Миннесота дано Рите грант — 100000 долларов — на развитие ее программы. Другие учителя из этой школы получили сходные гранты на занятия музыкой, компьютерами, изящным искусством и т. д. По-моему, такое может случиться только в Америке. Именно такие вот ситуации делают эту страну великой, несмотря на все недостатки, присущие американскому обществу. Работа дает Рите социальный статус, самоуважение и уверенность в себе.

Этим летом мы провели два месяца в Европе. О возвращении к европейской культуре мы мечтали два долгих года, все время нашего вынужденного заточения в Штатах, связанного с визовыми проблемами. О наших переживаниях по поводу американского стиля жизни я уже писал. Тем более ярко вставали перед мысленным взором идеалистические картины добрых старых европейских городов — с

улицами, полными пешеходов, прекрасной архитектурой, следами истории на каждом углу. И вообще — другая система ценностей, которая казалась одинаковой для Москвы, Парижа или Рима.

На этот раз мы приехали как американские туристы, арендовали машину и мотались по всей Европе, исколесив Германию, Францию и Швейцарию. То обстоятельство, что не нужно было экономить каждую копейку, придало новое измерение нашему путешествию и позволило заглянуть туда, куда ошеломленный взор советского человека проникнуть не успевает. Да, несомненно, Западная Европа — наиболее прекрасная, обжитая и притягательная часть света! Наша точка зрения ничуть не изменилась на этот счет. Да, от Парижа перехватывает дух, а швейцарские и южнонемецкие городки выглядят так, как будто они только что сошли со страниц сказок братьев Гримм. И все же мы поняли нечто, что было упущено в первый наш швейцарский год, когда мы были слишком возбуждены. Париж — лучшее место для жизни — для французов, а Германия — для немцев. И все эти радужные картинки не про нас. Уж очень сильно у них деление на «наших» и «ненаших», почти как в России. В каждодневной жизни любой человек со стороны обречен там навсегда оставаться чужаком, и почти всегда — нежеланным.

Несколько незначительных эпизодов открыли нам глаза. В Мюнхене Рита зашла в магазин купить фруктов и по привычке, которая прочно уже вошла в подсознание за два года американской жизни, выбрала из корзинки два–три яблока, показавшиеся ей наиболее аппетитными. Боже мой, какой гнев возбудило это невинное деяние в продавце, который просто-таки силой выпихнул ее из магазина без каких-либо пояснений. Наши немецкие друзья потом пытались найти случившемуся разумную причину, но, как кажется, они не сказали всей правды. Вечером того же дня нам захотелось поужинать в ресторане. Официантка появилась минут через десять и осведомилась, что бы мы хотели заказать. Стараясь сделать наш скудный немецкий как можно понятнее и вежливее, мы стали объяснять, что заказ сделать еще не

можем, так как у нас нет меню. Последовавшая сцена вызвала немое изумление. Она взяла меню с соседнего столика, буквально швырнула его в нас, повернулась и удалилась без слов. Подобное выглядело бы совершенно естественно в доброй старой Москве, но в Германии мы уж никак не ждали такого. Ситуация совершенно чистая, и единственное ей объяснение — это то, что мы иностранцы (впрочем, нельзя исключить и антисемитских мотивов).

Не стоит и говорить, что ничего подобного вы не встретите в Америке. Экскурсия в Дахау была завершающим штрихом в нашем мрачном настроении. Надо отдать должное правительству — музей в идеальном состоянии. Но от этого не легче. Раньше мне казалось: псе, что можно знать об этом, я уже знаю из книг. Более того, я вырос в стране, знаменитой изобретением ГУЛАГа и массовыми пытками своего собственного народа на протяжении четырех поколений. Поэтому вовсе не безумная идея, что несколько всезнающих вождей могут улучшить человеческое племя, отделив «хороших» ребят от «плохих» и отправив последних в лагеря, чтобы научить их работать и быть счастливыми, — вовсе не эта безумная идея произвела на нас столь угнетающее впечатление, а то, как этот процесс был организован. Прежде всего, лагерь расположен не в глубине Сибири и не у белых медведей, а в ста метрах от одного из самых красивых средневековых городков, который выделяется даже по немецким меркам. Все местные жители, как, впрочем, и мюнхенцы, разумеется, легко могли вести прямое наблюдение за лагерными событиями. А еще меня потрясли сортиры в бараках для заключенных. Далеко не на каждой госдаче в России такие сортиры. Зачем, спрашивается, было устанавливать все это белое великолепие для людей, которым было предписано отдать концы через неделю-другую!

Рискую показаться скучным, добавлю еще пару слов о продолжении нашего немецкого путешествия. Несколько лет подряд Рита планировала навестить старых друзей, которые живут в Цвикау, маленьком городке в бывшей ГДР. Она была у них в гостях в 86 году и

вернулась в Москву, возбужденная и полная сказочных описаний чудес, о которых мы тогда могли только мечтать: отличные дороги, изобилие в магазинах, элегантные наряды, ухоженные дома... И вот мы приехали в тот же городок, но с Запада. И случилось что-то странное — все чудеса куда-то исчезли. Дороги оказались ужасными, дома — уродливыми, потертые магазины, тусклые краски — ничего, что радовало бы глаз. Могло ли все настолько измениться к худшему за какие-то шесть лет? Вряд ли. Я думаю, что переменялись мы: наши глаза видят теперь по-другому.

У меня сложилось впечатление, что женщины со всего света должны немедленно мчаться в Америку. Ни в какой другой стране их так не ценят и не продвигают по службе. Кажется, что они не только достигли полного равенства с мужчинами, но превзошли последних и добились высшего положения: их стараются привлечь всяческими благами в любом офисе, фирме, университете. Наше физическое отделение предпринимает сейчас отчаянные усилия найти как можно больше женщин-профессоров и взять их на работу. И это несмотря на плохие времена, рецессию, бюджетные сокращения и все такое. Наша Юля подала заявления в 10 наиболее престижных университетов, и из восьми она получила приглашения на интервью. Более того, в шесть университетов ее приняли и дали ей стипендию. Я ничего не хочу сказать, она прилежная студентка, много работает, но таких студентов наверняка тысячи, ну а студенток, конечно, мало... В общем, я хочу сказать, что было бы грех не воспользоваться столь благоприятным положением для женщин, которое сейчас здесь сложилось, ведь все это когда-нибудь может кончиться. Уверен, что если бы в других странах об этом узнали, все предприимчивые жительницы Швейцарии, Франции, Германии, Японии, России и вообще отовсюду были бы уже здесь.

Аня была самой большой моей печалью и заботой все эти три года. Очень болезненный период смены культурной среды совпал у нее по времени с переходом от детства к юности. Принимая во внимание

чудовищный стресс и очень неудачный опыт ее швейцарской и первой американской школы, можно представить, какая взрывоопасная смесь образовалась у нее в душе. Она стала агрессивной, непредсказуемой, была в состоянии постоянного раздражения. Наши отношения расстроились в такой степени, что я был серьезно напуган и просто не знал, чем все это кончится. Слава богу, самое худшее, кажется, позади. Все равно у меня болит душа, потому что мне кажется, что именно мои ошибки привели к таким физическим последствиям. Этого уже не исправишь. Но сейчас, по крайней мере, мы построили мостик друг к другу. Он еще очень хрупкий, но мы слушаем и слышим. Улыбка стала появляться на ее лице, а вместе с ней и надежда, что добрые старые времена в каком-то смысле вернуться. А еще следует добавить, что она выходит из этого кризиса очень сильной личностью, с жестким характером и волей. Она будет гораздо сильнее меня в духовном смысле.

Октябрь 1993.

Поздний вечер... Замолкли голоса в коридоре, опустели офисы. Лучшее время дня, когда можно отвлечься от текущей суеты, забыть на время про физику и все остальные проблемы, которые жизнь ставит перед нами... Сегодня, наконец-то, собрался ответить на твое письмо, которое так и лежит у меня на столе вот уже несколько месяцев. Я один в институте, если не считать мальчика, который ежедневно появляется около шести и до ночи убирает кабинеты. Несколько раз он приходил со своей подружкой, смешливой темноволосой девушкой, которая помогает ему управляться с гигантским пылесосом. Очень красивая пара, я люблюсь ими, когда мне кажется, что они меня не видят. Как-то раз я разговорился с ними. Оба — студенты второго курса, он с электро-инженерного факультета, она изучает английскую литературу. Ну а подрабатывают они, как можно догадаться, не из прихоти и не на билеты в кино, а чтобы хоть частично оплатить свое образование.

Американских студентов не посылают на картошку и не нагружают (против воли) общественными поручениями. Но большинству из них приходится отнюдь не сладко, и экономический пресс, который давит на них, пожалуй, тяжелее — я бы даже сказал неотвратимее — нашей картошки. Обучение в университете стоит дорого, так что зачастую даже родителям, принадлежащим к среднему классу, в одиночку это дело не поднять. Многие знакомые американцы рассказывали мне, что начинают думать о деньгах на колледж, как только ребенок появляется на свет.

Все американские университеты в той или иной мере копируют систему обучения, восходящую к английскому Оксфорду и Кэмбриджу. Система двухступенчатая. Первые четыре года (называется *undergraduate school*) отводятся для как можно более широкого общего образования при почти не ограниченной свободе в выборе академических дисциплин. Специализация носит весьма условный характер и сводится к небольшому числу обязательных курсов, чего, впрочем, при желании вообще можно избежать. По уровню этот этап образования соответствует, на мой взгляд, последнему школьному году и трем первым курсам хорошего московского института. Окончившие *undergraduate school* получают диплом бакалавра, и многие — большинство — на этом свою академическую карьеру заканчивают.

Я сказал, что эта ступень занимает четыре года. Это в идеале. На самом деле многие студенты не укладываются в четыре года из-за лени или (очень часто) из-за недостатка средств. Никто их не подгоняет — учишься, пока учишься, только плати вовремя. В хороших частных университетах цена образования около 25 тысяч в год. В государственных, для жителей «своего» штата — раза в три-четыре меньше (разница покрывается из бюджета штата). Но даже эти шесть или восемь тысяч в год для многих семей не по карману. Вот тут-то и срабатывает механизм социальной справедливости. Каждый имеет

право обратиться за финансовой помощью, но подход к заявлениям строго индивидуальный.

Тот, кто кончает школу в числе первых (я уже писал, что каждый знает, на каком он месте; каждые несколько месяцев нам по почте приходит отчет об Аниных успехах: после кратких характеристик учителей следует место, на котором она на данный момент находится), — так вот, тот, кто кончает школу в числе первых, может надеяться получить всю сумму безвозмездно. Остальные получают «коктейль» из трех компонент, смешанных в разной пропорции. Часть в виде безвозмездной помощи, часть в виде займа (эти деньги должны быть возвращены после окончания университета) и, наконец, часть в виде возможности заработать в неурочное время. Вся «черная» работа в университете — уборка офисов, дежурство на автостоянках, разноска книг в библиотеке, обслуживание копировальных машин, равно как и обслуживание в студенческих столовых и профессорских клубах, все, что только ни придет на ум, — вся эта работа выполняется студентами.

Не всякий способен выдержать подобный режим при полной учебной нагрузке. Впрочем, она гораздо меньше нашей физтеховской — ведь жизнь должна быть развлечением, enjoy life and have fun — наслаждайтесь жизнью, развлекайтесь — первая заповедь американца. Вот и учатся они, бедолаги, в undergraduate school чуть ли не до 25 лет.

Эта тема — сравнение двух образовательных систем, их и нашей, — меня очень волнует. Когда речь заходит об этом предмете, я, как правило, захожусь и начинаю доказывать, что наша лучше — по крайней мере, в некоторых аспектах. Американцы слушают скептически, а потом спрашивают: «Где же ваши достижения?» или «Почему же у вас так мало Нобелевских лауреатов?» Как мне объяснить им, что неразумно построенное общество буквально зарывает в землю самое ценное свое достояние — душит таланты в

зародыше, не давая им достигнуть расцвета. Они этого не понимают. Здесь любой талант стоит дороже всего.

Вообще мне кажется, что американская образовательная система зашла в тупик... Все начинается с начальной школы. Как это ни парадоксально звучит, общеобразовательная школа у них гораздо более коммунистическая, чем в России. Скажем, такое явление как спецшколы, здесь в принципе невозможно. Ведь это значит открыто, у всего мира на виду, отделить детей более способных к физике (химии, математике...) от всех остальных. Ну уж нет, на такое неслыханное нарушение прав человека здесь не пойдут, не говоря уже о том, что налогоплательщики сразу завопят: «Не хотим учить чужих детей на наши деньги».

И вот, когда это безумие сочетается с общим низким престижем естественно-научных знаний, получается кошмар. Даже в школах, которые считаются хорошими, физику, химию и биологию дети изучают один год. Боже мой, что это за физика! Аня показала мне ее учебник, называется «Описательная физика», что-то вроде учебника по природоведению у нас для четвертого класса. А ведь она в выпускном!.. Какое счастье, что Аня чистый гуманитарий... После этого стоит ли удивляться, что естественнонаучные факультеты американских университетов все в большей и большей степени заполняются иностранными студентами.

5 февраля 1994.

«Трудно быть богом»... Когда-то я зачитывался этой книжкой, а вот теперь понял — и трудно, и больно. Вот уже неделю сижу я и раскладываю пасьянс. Только в руках у меня не игральные карты, а заявления о приеме на стажировку (post-doctoral position, что-то вроде двухлетней практики после защиты кандидатской). 170 заявлений и 2 места. Листаю досье. Год рождения — 60, 62, 64, 67, 59... Гражданство — Китай, Индия, Китай, Япония, США, Россия, Китай, США, Бельгия, Китай... образование, научные интересы, опубликованные работы,

рекомендательные письма... Каждое досье — человеческая судьба, и как выбрать самого достойного, глядя в эти немые бумажки? Ведь здесь, в этой пачке уже нет бездельников, все когда-то были лучшими в своем классе, своей группе, карабкались наверх изо всех сил, писали работы, откладывая личную жизнь на потом. И вот — два из ста семидесяти. И от моего «да» или «нет» многое зависит. Может быть, остановиться на этом, ведь у него рекомендательные письма от таких китов...

А вот посмотри-ка, всего 27 лет, девушка, 8 опубликованных работ... Тем более, кажется, слышал ее доклад на какой-то конференции. Да, но доклад был скучный. А этот сделал нашумевшую работу, которая потом, правда, оказалась не вполне правильной. Вот и мучаюсь всю неделю, эти проклятые досье снятся мне по ночам. И жалко мне их всех, бедолаг, ведь сейчас на рынке труда ситуация в нашей области очень тяжелая. Многие университеты закрывают программы по физике высоких энергий. Эрик мне написал, что у них в Далласе закрывается не только эта программа, но и вообще аспирантура на физическом отделении. Настают средние века, продержимся ли мы до следующего взлета?

В довершение всех моих бед меня назначили еще и в другую комиссию — отбирать будущих аспирантов. Здесь дела обстоят не так плохо, около 150 заявлений на 30 мест. Довольно много физтеховцев — идут вне конкуренции, они намного сильнее даже китайцев, правда, работают не так много. Я молю бога, чтобы эта Школа (я имею в виду Физтех) выжила. И чтобы по-прежнему тянулись туда, как и раньше, энтузиасты интегралов... Связь времен легко рвется, а попробуй создай такую среду и такую традицию заново. Пожалуй, такого нет нигде больше в мире, даже в Гарварде. Хочется им помочь, чтобы жизнь не замордовала, пусть интегрируют на радость себе и людям. А с другой стороны, как вспомню, чем все это может кончиться...

Человек, которого я многие годы считал родным и близким мне по

духу, вступил в коммунистическую партию (не знаю, в какую, говорят, теперь их много). В былые мрачные годы и вопроса такого возникнуть не могло, настолько дикой и аморальной казалась сама мысль, а теперь вот вступил... И сердце мое плачет. Нет, сам факт я если не принять, то понять по-человечески могу: трудно, все рушится, все уходит из-под ног. Семейный разлад, потеря работы. Меня потрясла, просто убила одна фраза, которую я слышал уже много раз на уроках истории и литературы: «Кто не с нами, тот против нас»... И сказано это было не в полемическом запале и не ради красного словца, а тихо и спокойно, из глубины. Я много думал еще раньше о нетерпимости людской — явлению в общем-то давно забытом в той части мира, где я провел последние 4 года. (Здесь, в Америке, показать нетерпимость публично, пожалуй, намного хуже, чем публично раздеться догола.)

Именно эта фраза, мне кажется, невидимой чертой отделяет Россию от остального мира, а вовсе не экономические проблемы и трудности переходного периода. Впрочем, не хочу (да, пожалуй, и не могу) делать обобщений: просто грустно... У нас в студенческой столовой в подвале стоит большой телевизор с метровым экраном. Там круглые сутки транслируют программы новостей напрямую из всех столиц мира без перевода. С 12 до часу идет московская программа (чуть было не сказал «Время», да где уж то «Время», кануло в Лету). Иногда, когда есть минутка, я туда забегаю, особенно часто это бывало в октябрьский кризис у Белого дома. Там своя аудитория, ровно в 12 собираются человек 10, приносят стулья, смотрят, комментируют. В основном graduate students (старшекурсники) — кто из Москвы, кто из Петербурга. Кончают свои утренние занятия с младшекурсниками (отрабатывают стипендию), и туда. Одна довольно пожилая женщина не пропускает, кажется, ни дня. Каким-то образом устроилась лаборанткой на биофаке. Чего в этом «клубе» только не услышишь! Теперь тема номер один — Жириновский. Всех волнует вопрос: серьезно это явление или этот балаган все же скоро кончится? Тема грустная и бесконечная, а поскольку мрачных тонов и так хватает, перейду, пожалуй, к более земным вопросам.

В последнее время я прямо-таки пристрастился к электронной почте, хуже, чем пьяница к бутылке. Первое, что я делаю утром, проснувшись, включаю компьютер и смотрю, не пришли ли мне за ночь сообщения. И если таковых нет, кажется, что день начался неудачно, все обо мне забыли. Ах, как люблю я наше маленькое братство, наш муравейник, с его давкой и вечной борьбой за место под солнцем, столкновением идей и амбиций, взлетами и падениями, где все знают всех, и, в какой бы стране ты ни оказался, найдутся люди, которые знают тебя, если не лично, то по работам. Я читаю компьютерные послания и мысленно вижу тех, кто их отправляет, и не важно, что отправители находятся, может быть, за десять тысяч миль, где-нибудь в Австралии или Сингапуре, — все равно они с нами... Наш теоретический орден, как я его в шутку окрестил. Бывают, конечно, и ссоры, и обиды. Жизнь есть жизнь...

Великое это изобретение, компьютерная почта. Думаю, что если бы коммунизм в России не пал по другой причине, этот виток человеческого развития он бы все равно не пережил. Как ни крути, без компьютеров не обойтись, а когда компьютер приходит в каждый дом, никакой партком не поможет. Заметил ли ты, как за последние два-три года, буквально на наших глазах, меняется характер цивилизации? Даже в мелочах. Ведь сейчас опубликовать статью уже не означает — послать в журнал. Опубликовать — значит отправить в компьютерную сеть. И свежие журналы никто даже и не смотрит: все стоящее в том или ином виде циркулирует в сети, растут и множатся компьютерные библиотеки.

Здесь, правда, подстерегает ужасная проблема. И так западное общество фрагментировано донельзя, человеческое общение становится роскошью. Да и где, спрашивается, общаться? Целый день либо в офисе, либо в автомобиле. Ну, а когда компьютерные сети подрастут еще немного, так вообще из дому выходить перестанут. Я недавно, видел по телевизору передачу о таких фирмах, где

сотрудники работают дома: совещания проводятся по видеотелефону, а прямая компьютерная связь, факсы и прочие чудеса техники довершают дело. Диктор прямо-таки захлебывался от радости: как такие фирмы враз решат проблему пробок на автодорогах. А мне стало как-то не по себе. Впрочем, я конечно, слишком старомоден...